

Николай Добролюбов

Литературные мелочи прошлого года

Николай Добролюбов

**Литературные мелочи
прошлого года**

«Public Domain»

1859

Добролюбов Н. А.

Литературные мелочи прошлого года / Н. А. Добролюбов —
«Public Domain», 1859

«Литературные мелочи прошлого года» – программная статья Добролюбова, определившая с предельно возможной в цензурно-полицейских условиях этой поры четкостью и полнотою позиции революционной демократии на новом этапе общественно-политической и литературной борьбы. Этот новый этап резко обозначился в связи с завершением в высшем государственном аппарате первой очереди подготовительных мероприятий к крестьянской реформе, когда особенно обострился вопрос о формах и размерах выкупа помещичьей земли, подлежащей передаче освобождаемым крепостным.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10
Комментарии	

Николай Александрович Добролюбов

Литературные мелочи прошлого года

I

*Притворной нежности не требуй от меня.
Баратынский^[1]*

«Опять за мелочи!.. И, верно, опять, с какой-нибудь злостной целью!» – воскликнет солидный читатель, увидав заглавие нашей статьи, – и с сердцем перекинет несколько страниц, чтобы, добраться до чего-нибудь более грандиозного...

Остановитесь, читатель: ваши поиски будут напрасны. «Современник» давно уже не имеет никакой грандиозности, к великому прискорбию многих суровых аристархов литературы. Несколько раз уже, с некоторой печальной торжественностью, но не без тайного злорадства, объявляли они, что «Современник» ниспал с пьедестала, на котором будто бы стоял прежде, что он потерял благородное благоговение к науке, зовет прекрасное мечтою, презирает вдохновение, не верит любви, свободе, на жизнь насмешливо глядит^[2], словом – не имеет никаких убеждений и способен только к глумлению. Теми или другими словами, с большим или меньшим прикрытием и приличием, все это много раз было напечатано по поводу разных статей «Современника», преимущественно критических. Мы считали излишним и неудобным оправдываться от всех частных обвинений против нас, потому что они обыкновенно имели следующий вид: некий господин пишет посредственную книжку, статейку или стишки о ничтожном предмете; мы говорим, что книжка или статейка посредственна, а предмет ничтожен, автор статейки, или его друзья, или поклонники и единомышленники, – восстают на нас, провозглашая, что статейка превосходна, а предмет – грандиозен, «Современник» же оттого сделал неблагоприятный или холодный отзыв, —

Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду,
Что презирает он свободу.
Что нет отчизны для него.^[3]

Опровергать подобные нападения – значило бы опять повторять господину, сочинившему посредственную статейку о ничтожном предмете, – что статейка его посредственна, а предмет ничтожен и что тем более он заслуживает порицания и насмешек, чем выше возносит чело свое, озаренное мелкими думами о ничтожном предмете. Но кто полагает, что повторения вещей столь назидательных могут быть веселы и легки, тот жестоко ошибается: ничего скучнее их не может быть для человека, у которого есть хоть две мысли в голове, и потому люди, поставленные обстоятельствами в необходимость продалбливать беспрестанно такие повторения, достойны искреннего сожаления всякого благомыслящего человека. И тем более следует пожалеть их, что все их тягостные труды обыкновенно оказываются напрасными. Ведь ни одного господина нельзя уверить, что над ним смеются не потому, чтоб уж в самом деле «ничего во всей природе благословить не хотели»^[4], а просто потому, что *его-то* благословлять не за что, *он-то* смешон с своими заносчивыми возгласами о равных ничтожностях. Нет, каждый из подобных господ готов жизнь пожертвовать за сохранение величия того,

что ему кажется великим, и ничем не убедится в своей мелочности. Все они подобны мышам на корабле, открывшим страшную течь и пророчившим гибель всему кораблю. «Помилуйте, страшная течь, – вода мне до самого рыла дошла», – уверяет всех подруг своих крыса, пользующаяся авторитетом и партия мышей решается заблаговременно спастись вплавь и бросается в море, чтобы показать свой героизм и дальновидную предусмотрительность... Туда им и дорога, конечно.

История дальновидных мышей несколько раз повторялась в русской литературе, только в обратную сторону. Наши писатели никогда не доходили до того, чтобы броситься в море, проповедуя гибель кораблю (на то они люди, а не мыши); совершенно напротив: во время опасного плавания в открытом море они, увидав на волнах щепочку, брошенную с их корабля, не раз поднимали радостный вопль, что берег близко... Кто раньше подымал этот крик, тот и привлекал к себе общее благодарное внимание; кто прибавлял тут же полезные советы, как избавиться прибрежных мелей и подводных камней, – на того смотрели с благоговением, а кто наставлял пловцов, как им воспользоваться всем, что найдут на предполагаемом берегу, тот мгновенно приобретал себе титул гения и великого человека.

На нашу долю ни разу, кажется, не выпало подобного удовольствия и чести, и вследствие того мы подверглись многим нареканиям... В самом деле, для многих должен был показаться странным холодный и насмешливый тон, обращенный на те предметы, которые в большинстве возбуждают неистовый восторг и благоговейное поклонение. Уже несколько лет все наши журналы и газеты трубят, что мгновенно, как бы по мановению волшебства, Россия вскочила со сна и во всю мочь понеслась по дороге прогресса, так, что ее теперь даже с собаками не догонишь... Несколько лет уже каждая статейка, претендующая на современное значение, непременно начинается у нас словами: «*В настоящее время, когда поднято столько общественных вопросов*»^[5] и т. д., следует изложение вопросов. Несколько лет уже русская литература льстила обществу, уверяя, что в нем теперь пробудилось самосознание, раскаяние в своих пороках, стремление к совершенствованию; а русское общество похваливало литературу за то, что она так старается вызолотить горькие пилюли, которые наконец заставила его принимать прошедшая его жизнь. Лесть и самообольщение – таковы были главные качества *современности* в литературных явлениях последнего времени. Странно сказать это о литературе в то время, когда она из кожи лезла, по собственному признанию, *преследуя и обличая, карая и вырывая с корнем* всякое зло и непотребство на земле русской. Но всмотритесь пристальнее в характер этих обличений, – вы без особенного труда заметите в них нежность неслыханную, доходящую до приторности, равняющуюся разве только нежности, обнаруженной во взаимных отношениях тех достойных друзей, один из которых у Гоголя мечтает о том, как «высшее начальство, узнав об их дружбе, пожаловало их генералами». «Конечно, это плохо, это гадко, безумно, отвратительно», – говорят все обличители, не скупясь на сильные эпитеты, – и вы думаете: вот молодцы-то, вот энергические-то деятели!.. Погодите немножко: это в них говорит Собакевич; но Манилов не замедлит вступить в свои права, и у них тотчас явится и мостик через речку и огромный дом с таким высоким бельведером, что оттуда можно видеть даже Москву.

– Конечно, чиновники берут взятки, но ведь это единственно от недостаточности жалованья; прибавьте жалованья, и взятки не будет в России... Невозможно же допустить предположение, чтобы взятки брали и те чиновники, которые по своему чину и месту служения получают хорошие оклады. Нет, как можно: вся язва взяточничества ограничивается чиновниками низших судебных инстанций, получающими ничтожное жалованье.

– Просвещение плохо подвигается, правда. Но ведь вся беда в том только, что в гимназиях учителя и учебники плохи. Но если бы гимназии приготавливали достойных слушателей для наших великих профессоров, да если бы профессора и академики удостоили заняться составлением учебников, – о! тогда у нас мгновенно водворилось бы лучезарное просвещение. «Общества нет в деревне: надобно в город ездить, чтобы увидаться с образованными людьми, –

как говорит Манилов. – Но, конечно, если бы соседство близкое, если бы такой человек, с которым бы в некотором роде можно было поговорить о любезности, о хорошем обращении, следить какую-нибудь такую науку... словом, если бы такой образцовый человек, как вы, Павел Иванович... о! тогда наша деревня и уединение имели бы много приятностей...»

– Ремесленный класс у нас в дурном положении, – жаль. Но это зависит, впрочем, от личности хозяев, и больше ни от чего; надо только запретить хозяевам бить и морить голодом мальчишек, – и ремесленники наши будут блаженствовать.

– Промышленность у нас развивается слабо, торговля не в блестящем положении... Ах, это очень просто: конкуренция слаба, оттого что тариф высок. Пониженный тариф – это универсальная и радикальная мера для развития нашей промышленности и торговли.

– Мужики живут плохо. Что делать? Мужики, во-первых, грубы и необразованны; а вследствие того, во-вторых, они мало имеют потребностей и неспособны к высшим, деликатным наслаждениям. Они привыкли к своей судьбе и ею довольны; значит, об этом и толковать нечего. Следует только позаботиться об уничтожении *злоупотреблений* их положения^[6].

– Пропивается сильно русский человек... Это грустное явление... Но ведь тут вся беда оттого происходит, что система винных сборов несовершенно устроена. Стоит завести акциз вместо прежнего откупа (и даже с небольшой надбавкою), и все пойдет отлично.

В таком виде представляются нам почти все русские обличители. Кричат, кричат против каких-то злоупотреблений, каких-то дурных порядков... подумаешь, у них на уме и бог знает какие обширные соображения. И вдруг, смотришь, у них самые кроткие и милые требования; мало этого – оказывается, что они и кричат-то вовсе не из-за того, что составляет действительный, существенный недостаток, а из-за каких-нибудь частных и мелочей. Они смахивают немножко на одного из наших знакомых, о котором может дать понятие следующий случай. Прочитавши несколько критических статей об «Истории русской цивилизации» г. Жеребцова, он проникся к г. Жеребцову живейшим негодованием и принялся ругать его на чем свет стоит... Читателям известно, что мы невысокого мнения о книге г. Жеребцова^[7]; но нам показался неумеренным и уж слишком театрально-патетическим тот азарт, с каким наш знакомый позорил историка русской цивилизации. Мы сделали какое-то замечание, направленное к тому, чтоб удержать несколько его порывы. Но он возразил нам – как бы вы думали? – следующим образом: «Нет, уж вы г. Жеребцова не защищайте (а мы и не думали защищать). Нет, так писать нельзя... Это не годится... Нет, как же это можно? Помилуйте, что же это будет? Он говорит, что Батый проходил через Калугу, тогда как Калуга делается известною в нашей истории только с 1389 года. На что же это похоже? Ну, скажи бы он, что Батый проходил через Калужскую губернию, через те места, где ныне Калуга, это было бы другое дело. А то вдруг Калугу выдумал за полтора-два года до ее существования. Это совершенно напоминает того городничего, который велел пожарной команде быть всегда на месте пожара за полчаса до появления пламени... Ха-ха... Но без всяких шуток – видно, что г. Жеребцов писал, не справляясь с Карамзиным, потому что в «Истории» Карамзина есть сведения о Калуге. Это и повредило всему делу. А загляни г. Жеребцов в Карамзина, он, разумеется, при своей любви к родине, при своих обширных знаниях и при своем светлом взгляде мог бы написать отличную вещь».

Почти все наши обличители заканчивают свои суровые речи подобным образом. Но это еще зло не так большой руки в сравнении с тем, что говорится многими, и самими обличителями в том числе, во славу нашего времени, нашего общества, наших успехов на всевозможных поприщах. Тут уж идет совершеннейшая маниловщина.

Кто-нибудь напишет в повести: «Меня обокрали неизвестные люди», – сейчас поднимаются крики о том, что у нас процветает гласность.

Сделают ученое открытие, что от увеличения налога на соль она не подешевеет: начинают с благоговением повторять, что наука идет у нас вперед исполинскими шагами.

Сказал кто-то новую мысль, что жид – человек, а не скотина, и ничто человеческое ему ни чуждо: тотчас в трубы трубить начали, что у нас гуманность на высшей степени развития (исключая только некоторые презренные личности)^[8].

Напишет кто-нибудь, что дурно делали наши мелкие чиновники, когда взятки брали: мгновенно поднимается оглушительный вопль, что у нас общественное сознание пробудилось.

Явится статейка, доказывающая, что не следует заставлять людей совершенно даром на нас работать, а нужно только стараться нанять их как можно дешевле: все в восхищении и кричат, что общечеловеческие начала у нас превосходно выработались.

И, не довольствуясь тем, что мы теперь так хороши, наши Маниловы начинают торжественно рассуждать о том, как хороши мы были и прежде (то есть не в недавнее время, а в древности, *в прежнее прежде*), и о том, какая великая будущность нас всегда ожидала и ожидает. Одни делают это простодушно, в полном сознании, что о великой будущности именно и кстати потолковать по тому случаю, что мы понимаем теперь вред взяточничества, крепостного права и т. п. Другие же поддакивают этому, вовсе не по простодушью, а по тому же самому чувству, по которому Чичиков поддакивал Манилову. Не мудрено, что в нашей литературе беспрестанно повторяется знаменитая сцена, в которой Манилов представляет Чичикову детей своих. «Какой, душенька, у нас самый лучший город?» – «Петербург». – «А другой?» – «Москва». Литературные Маниловы и Чичиковы приходят в восхищение. «У этого ребенка будут замечательные способности», – провозглашает Чичиков. «О, вы еще не знаете его, – восклицает Манилов, – у него чрезвычайно много остроумия: чуть заметит какую-нибудь букашку, козявку, сейчас побежит за ней следом и тотчас обратит внимание...» «Я его прочу по дипломатической части», – заключает литературный Манилов, любуясь великими способностями русского человека и не замечая, что с ним еще надо беспрестанно делать то же, что произвел лакей с Фемистоклюсом Маниловым в то самое мгновение, как отец спрашивал мальчика, – хочет ли он быть посланником?

Смотреть на подобных господ серьезно – значит оскорблять собственный здравый смысл. Но тем не менее они могут еще ввести в заблуждение неопытных юношей если не восторженностью своих похвал, то решительностью и резкостью своих порицаний, хотя, в сущности, очень неопределенных и ни на что прямо не направленных. Поэтому-то и нельзя их оставлять уже вовсе без внимания; нельзя от них отходить молча, смеривши их только обидно-презрительным взглядом. Приходится по необходимости толковать с ними, и иногда довольно странно, причем, разумеется, самому становится и досадно, и смешно, и даже по большей части – более смешно, нежели досадно. Такое расположение духа само собою отражается, конечно, и в том тоне, каким говорим мы о многих предметах, возбуждающих в других людях самые возвышенные чувства.

«Но что же это за странный разлад в людях, которые, по-видимому, сходятся между собою как нельзя более в общих стремлениях? Вы хотите правды и права, и в этом не расходится с вами никто из людей, имеющих честное имя в литературе. Вы отвращаетесь зла и тьмы, и в этом отвращении никто из благонамеренных литераторов, конечно, вам не уступит. Зачем же смеяться над теми, в чьей благонамеренности и благородстве вы не сомневаетесь? Зачем выставлять в смешном виде то, что может хотя сколько-нибудь способствовать достижению тех же целей, к которым вы сами стремитесь? Не значит ли это вредить великому делу народного образования и развития, которому служит литература? Не будет ли унижением для всей литературы, если вы станете называть вздором и мелочью то, чем дорожат и восхищаются многие из почтенных и умных ее деятелей?»

На все эти вопросы мы должны дать ответ, по возможности серьезный и определительный. Соблюсти некоторую серьезность побуждает нас не самый предмет (которому очень мало нужды до того, каким тоном говорят о нем), а благодарное уважение к прошедшим заслугам именно тех лиц, которые ныне таким комическим образом умеют тратить столько благородного

жара на всякие мелочи. Если вы идете по грязному переулку с своим приятелем, не смотря себе под ноги, и вдруг приятель предупреждает вас: «Берегитесь, здесь лужа»; если вы спасаетесь его предостережением от неприятного погружения в грязь и потом целую неделю – куда ни придете – слышите восторженные рассказы вашего приятеля о том, как он спас вас от потопления, – то, конечно, вам забавен пафос приятеля и умиление его слушателей; но все же чувство благодарности удерживает вас от саркастических выходов против восторженного спасителя вашего, и вы ограничиваетесь легким смехом, которого не можете удержать, а потом стараетесь (если есть возможность) серьезно уговорить приятеля – не компрометировать себя излишнею восторженностью... Так и мы поступим в настоящем случае.

Мы никогда не осмелились бы поставить свои личные убеждения выше мнений почтенных особ, пользующихся издавна авторитетом, если бы мы считали свои убеждения только собственной, личной нашей принадлежностью. Не говоря о скромности и недоверчивости к себе (служащих, как известно, украшением юности и не мешающих ни в каком возрасте), – в нас достало бы столько благоразумия, чтобы не проповедывать в пустыне собственные фантазии, и столько добросовестности, чтобы не ломаться пред публикою в надежде привлечь ее внимание своей эксцентричностью. Нет, мы говорили и говорим, не обращая внимания на старые авторитеты, – потому единственно, что считаем свои мнения отголоском того живого слова, которое ясно и твердо произносится молодою жизнью нашего общества. Может быть, мы ошибаемся, считая себя способными к правильному истолкованию живых, свежих стремлений русской жизни; время решит это. Но во всяком случае – мы не ошибемся, ежели скажем, что стремления молодых и живых людей русского общества гораздо выше того, чем обольщалась в последнее время наша литература. Мы решаемся изложить нашу мысль несколько подробнее и определеннее (сколько это возможно, разумеется, без нарушения должного почтения к литературным и другим авторитетам).

Несколько раз уже приходилось нам говорить об отношении литературы к действительности. Мы постоянно выражали убеждение, что литература служит отражением жизни, а не жизнь слагается по литературным программам. Никогда и нигде литературные деятели не сходили с эфирных пространств и не приносили с собой новых начал, независимых от действительной жизни; все, что произвел когда-либо человеческий ум, все это дано опытом жизни. Литература постоянно отражает те идеи, которые бродят в обществе, и больший или меньший успех писателя может служить меркою того, насколько он умел в себе выразить общественные интересы и стремления. Рассуждая таким образом, мы должны были бы безусловно преклониться пред недавними успехами нашей литературы и признать, что она представляет самое верное и совершенное отражение всех интересов русской жизни. После такого признания не могло бы уже быть и речи о мелочности литературы. Но, серьезно оценивши этот успех, мы пришли к заключению, что он был весьма незначителен и представлял чрезвычайно обманчивое зрелище. Чтобы оценить значение того, что называют успехом в литературе, надо непременно рассмотреть, *между кем* приобретен этот успех и *как долго* он продолжался или мог продолжаться. В этом отношении большая часть данных будет не в пользу литературных успехов последнего времени. Собственно говоря, всякий писатель имеет где-нибудь успех: есть сочинители лакейских поздравлений с Новым годом, пользующиеся успехом в передних; есть творцы пышных од на иллюминации и другие случаи – творцы, любезно принимаемые иногда и важными барами; есть авторы, производящие разные «*pieces de circonstances*»¹

¹ пьесы на случай (франц.). – Ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Эпиграф взят из стихотворения Е. А. Баратынского «Признание» (1823).

2.

Вольная передача четырех строк из стихотворения Пушкина «Демон» (1823).

3.

Характеристика Мазепы в первой песне «Полтавы» Пушкина.

4.

Вольная передача двух последних строк стихотворения Пушкина «Демон».

5.

Начальные строки пародии Добролюбова на штампованные рассуждения фразеров либерально-дворянского лагеря. См. об этой формуле в статье «Что такое обломовщина?» (стр. 65) и 8-е примечание к ней.

6.

Абзац этот отсутствует в первопечатном тексте статьи.

7.

В 1858 г. Добролюбов напечатал в «Современнике», № X и XI статью о сочинении Н. А. Жеребцова «История цивилизации в России» (на французском языке), в которой резко критиковал славянофильские воззрения автора.

8.

Добролюбов имеет в виду полемику по поводу антисемитской статьи «Западно-русские жида и их современное положение», напечатанной в журнале «Иллюстрация» (1858, № 35), за подписью «Знакомый человек». Статья вызвала несколько газетных откликов и печатный протест сперва 11, затем 48 и, наконец, еще 98 литераторов. В этой полемике Добролюбов усмотрел типичное для либеральной публицистики пустое фразерство, направленное не против «умных и грамотных негодяев», а против «малограмотного, плохо владеющего слогом писаки» (см. «Письмо из Провинции» в «Свистке», 1859, № 1).